

О СВЯТОСТИ И БЛАГОЧЕСТИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ЕГИПЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Н.А. Успенская

Аннотация. В данных очерках рассмотрены темы святости и благочестия, веры и национального сознания, духовности и молитвенного общения с Творцом, взаимоотношений восточных «традиционалистов» и так называемых «западников», в той или иной степени затрагивавшихся автором в её монографии «Восток – Запад – Россия: процесс культурного взаимодействия». Данные категории рассматриваются на примерах произведений современных арабских писателей, «Светильник Умм Хашим» Яхьи Хакки, «Вершина любви» Ихсана абдель Куддуса, «Три апельсиновых дерева» Яхьи Тахира Абдаллы, «Дни» Таха Хусейна в сравнении с такими произведениями, как «Белая гвардия» М. Булгакова, «Ночи Кабирии» фильма Федерико Феллини, «Книга раздумий и тихих созерцаний» И. Ильина, и ряда произведений А.П. Чехова.

Автор стремится показать на данных примерах, какое место занимают данные авторы и указанные произведения в мировой литературе, как они соотносятся с известными нам произведениями и авторами, каковы общие черты и точки соприкосновения между ними. В данной работе поднимается проблема взаимоотношения религии и научной логики, которую отобразил в своём произведении «Светильник Умм Хашим» Яхья Хакки, а также отношение к этой проблеме западных и восточных мыслителей.

Автор сравнивает ценности, присущие исламу и христианству, и показывает, как они реализуются в произведениях восточных и западных авторов. Здесь также рассматривается история возникновения и развития взаимоотношений Востока и Запада и как эта проблема отражена в вышеуказанных произведениях.

Ключевые слова: арабская литература, духовность, религия, мораль, ислам, христианство, культурное взаимодействие, научное мировоззрение.

Понятие святости чаще всего связывают с религией. В работах, посвящённых исламу, даются определения святости, которые в основном характеризуют её как «приближенность

к Богу», а святого – как лицо, приближённое к Богу. Известно, что в исламе, в отличие от христианства, отсутствует институт канонизации святых. Мусульманские «святые» возводятся в этот ранг

народом. При этом существуют общенародные «святыи», как, например, Святая Зейнаб, и «святыи», известные только жителям определённой местности.

Главной отличительной чертой святого является благочестие, которое в словаре Даля определяется, как «истинное богопочитание; благоговейное признание Божественных истин и исполнение их на деле» [Шimmel, 1999:95]. Святость и благочестие трудно конкретизировать с точки зрения понятий светской жизни, они требуют специального анализа и не укладываются в рамки обывательских норм. Изображение святых в светской литературе является делом наиболее трудным, и немногие писатели готовы отважиться на попытки подобного литературного воплощения.

В своей работе мне хотелось бы остановиться на двух таких попытках: это рассказ Яхьи Хакки «Святой никогда не ошибается» и рассказ Ихсана Абдель Куддуса «Вершина любви». Яхья Хакки – известный египетский прозаик, маститый писатель, его повесть «Светильник Умм Хашим» стала одним из самых любимых произведений египтян. Вопросы соотношения веры и сомнения, добра и зла, морали и нравственности не раз поднимались в его произведениях. Поэтому появление в его рассказе фигуры молодого человека, ищущего Божьей милости, Божественных истин, не было неожиданностью для почитателей его творчества, несмотря на то, что Яхья Хакки – писатель сугубо светский.

Героем рассказа является молодой человек знатного происхождения, получивший огромное наследство. После непродолжительного раздумья он решает отказаться от баснословного богатства в пользу брата, а сам выбирает путь богоискательства. Он присоединяется к группе отшельников, которые во главе со старцем скитаются по пустыне. Они изредка заходят в селения и города, чтобы обратиться к народу с проповедью или просто пополнить запасы пищи. Эта группа отшельников напоминает одну из ранних суфийских общин, людей, которые, по словам Калабази, исследователя ранне-

го суфизма, «покинули сей мир, ушли из дому, бежали от своих сотоварищей. Они скитались по земле, умерщвляя плотские желания ... и теперь потребляют мирские блага лишь в той мере, чтобы прикрыть наготу и утолить голод».

Этот же путь был характерен и для ранних христиан. Во главе такой общины обычно находился старец – опытный наставник. Яхья Хакки пишет о нём следующее: «Он освободил себя от семейных уз, друзей, родины и отправился скитаться, неся свою проповедь людям. Он говорил им о развращающей власти денег, призвал присоединиться к нему, чтобы посвятить себя одному лишь Богу, довольствуясь нищей и бродячей жизнью» [Хакки Яхья, 1973:70].

Мы не знаем, какие причины заставили юношу присоединиться к процессии старца. Он утверждал, что к этому его побудил ангел, явившийся ему во сне. Очевидно, что молодой человек сам стремился к подвижнической жизни, так как он безропотно и смиренно шёл в конце процессии, путаясь в своём широком шерстяном плаще, не поднимая взгляда на окружающих и пытаясь погрузиться в молитву.

Однажды процессия проходила мимо богатого поместья, о хозяине которого шла дурная слава из-за распутного образа жизни. Говорили, что, несмотря на огромное богатство, он и гроша не подаст нищему, так как непомерно скуп. Старец принимает решение посетить этот дом с тем, чтобы «разрушить ещё один оплот дьявола и спасти души его обитателей» [Хакки Яхья, 1973:71]. И пока, сидя за столом, уставленным яствами, святой старец ведёт свою проповедь, параллельно дьявол ведёт свою. Молодая красивая дочь хозяина обращается к юноше с необычными и смелыми речами. Она говорит ему, что Бог одинаково милостив и к скитальцам, и к простым смертным, что радость богопознания можно ощутить, не только молясь и перебирая чётки, но и в танце, тесно прижавшись к партнёру, или в музыке. Ведь музыку тоже создал Бог! Она предлагает ему свою любовь и приглашает его остаться во дворце, что-

бы насладиться мирскими удовольствиями. Её слова попадают в цель, нашему герою трудно сопротивляться соблазну. «Сейчас перед ним простиралась жизнь, полная доступных ему наслаждений. Тысячи голосов нашёптывали ему: останься и испей их до дна» [Хакки Яхья, 1973:74].

Но герой Хакки не свернул со своего пути и устоял перед искушением. Он покинул дворец вместе с наставником и другими его учениками. В его поведении произошла лишь одна, несущественная на первый взгляд, перемена. Если раньше он шёл в конце процессии, то теперь он переместился в самое её начало, поближе к наставнику, как бы ища у него поддержки. Хакки пишет, что главной причиной его решения продолжить подвижнический путь был страх потерять веру в себя. «Иначе, если бы он передумал, никто никогда не смог бы ему верить, в том числе и он сам» [Хакки Яхья, 1973:74]. На первый план здесь выступают такие категории, как честь и совесть. Именно они представляют собой тот краеугольный камень, на котором автор возводит свою систему ценностей.

Путь аскетизма, атрибутами которого всегда были чётки, вериги, власяница, одиночество, воздержание изначально считался прямой дорогой к достижению святости. Но это не значит, что каждый, ступивший на неё, достигнет желаемого результата. Это путь избранных. Существуют ли иные пути, более простые и доступные тем, кто ищет смысл жизни и высших истин?

Чтобы проследить развитие этой темы в современной египетской литературе, обратимся теперь к рассказу Ихсана Абдель Куддуса «Вершина любви». Ихсан Абдель Куддус — это писатель, в творчестве которого трудно было ожидать появления темы богоискательства. Юрист по образованию, журналист по профессии, главный редактор самого популярного в Египте политического еженедельника «Роз аль Юсиф» и газеты «Аль-Ахбар», он писал рассказы, как говорится, «на злобу дня». Сюжеты из газетных хроник находили в них своё художественное осмысление и воплощение. Любовный треуголь-

ник, семейные неурядицы и скандалы, политические коллизии и даже террористические акты – далеко не полный их перечень. Рассказ «Вершина любви», на мой взгляд, занимает в творчестве этого писателя особое место.

Героиня этого рассказа проходит долгий жизненный путь, который с самого начала и до глубокой старости неуклонно ведёт её к святости. Более того, автор утверждает, что она изначально была «святой» или «ангелом». Тем не менее, земной путь этой женщины и даже загробная её жизнь, показанная в рассказе, удивительно близка и понятна многим самым простым людям. Первое, что отличает героиню Куддуса — это чувство вседеприсутствия Бога. «Всё, что она видела, до чего дотрагивалась, пробовала на вкус, напоминало ей о Боге» [Куддус Ихсан, 1968:5].

Но прежде, чем познать Бога, будучи ещё ребёнком, она узнала нечто, что послужило для неё средством богопознания. Это нечто было любовью. «Прежде, чем она узнала Бога, она полюбила всё вокруг: людей, коров, буйволов, кур, собак. Она полюбила землю, растения, камни. Она полюбила мелодию, которую наигрывал на флейте феллах, сидя на краю канавы. Она полюбила кваканье лягушек, которые прыгали возле канала. Она любила жизнь во всех её проявлениях» [Куддус Ихсан, 1968:6].

Любовь героини ко всему окружающему не имеет границ. Прежде всего, она направлена на всех обездоленных и самых несчастных. В деревне жил мальчик, один из её сверстников. Неожиданно он заболел проказой, и его изгнали из деревни. Мальчишка был вынужден скитаться по окрестностям и прятаться от людей, а если он появлялся в деревне, то его прогоняли самым беспощадным образом. Положение его было плачевным. Самым ужасным для него было то, что он был лишён человеческого общества и даже не мог общаться с родителями и родственниками. «Он был весь покрыт язвами, уши его отвалились, а нос провалился. Она встречалась с ним в поле, играла с ним, пела ему деревенские пес-

ни, тайком под одеждой таскала ему еду» [Куддус Ихсан, 1968:6].

Она месяцы напролёт ухаживает за больной подругой, которая поранила ногу об оросительное колесо, «пока улыбка не вернулась на её губы, радость – в сердце, и свет надежды и любви к жизни вновь не загорелся в её глазах» [Куддус Ихсан, 1968:6].

Героиня рассказа готова дарить своё время, свои усилия каждому, кто в этом нуждается. Она беспредельно добра к людям и животным. Считается, что мусульмане не любят собак. Но в литературе мы нередко находим примеры, подтверждающие противоположное. Так и в данном рассказе. Облезлая бродячая собака, которую жители деревни забрасывают камнями при одном её появлении, ластится к нашей героине и радуется её ласке. А когда собака съёт морду в тарелку девочки, то последняя не прогоняет её, а смеётся и ест вместе с ней.

Девочке снится ангел, и он обещает ей, что, если она и дальше будет жить так, помогая несчастным и обездоленным, то Бог распахнёт перед ней ворота рая. И героиня рассказа мужественно проходит свой жизненный путь, до глубокой старости помогая людям переносить их невзгоды, пока физические силы её не истощились, и она не отошла в мир иной тихо и мирно на руках скорбящих и плачущих односельчан.

Бог сдержал Своё обещание и принял её в рай, который Ихсан Абдель Куддус нарисовал как общество святых, наслаждающихся Божественной благодатью. Но происходит нечто странное. Наша «святая» слышит непонятные звуки, они усиливаются и напоминают ей стон. Ангел разъясняет ей, что это стон тех, кто испытывает мучения в аду, Бог позволил только ей слышать эти кошмарные вопли. Никто другой не слышит стонов грешников. Вначале наша героиня протестует - она столько раз слышала эти ужасные звуки на земле, столько раз она была свидетельницей человеческих страданий и мучений. Она устала от них на земле и просит избавить её от них на небе. Но ангел возражает ей: такова воля

Бога, а он мудр! Тогда наша героиня выпрашивает у Него разрешения посетить ад и получает согласие. Она видит страшные картины мучений грешников, адское пламя, которое обжигает их и совсем не вредит ей. И тогда она принимается за уже известную ей работу: начинает ухаживать за грешниками, утешать их, поить водой. Но работы очень много, одной ей не справиться, и тогда она убеждает других святых присоединиться к ней, и они вместе дружно берутся за дело. Кончается рассказ следующим образом. Два ангела сидят рядом, и один говорит другому: «Слышал новость? Вышел приказ – ад закрывают» [Куддус Ихсан, 1968:18].

Сочетание серьёзности и мягкости, элементов фантастики и реализма, отсутствие малейшего налёта сусальности отличает это небольшое произведение. Оно повествует о простых и понятных вещах, которые, тем не менее, служат мостиком к высшим истинам. Оно рассказывает о добродетели, которая встречается каждому в повседневной жизни.

Добродетели героини рассказа многочисленны. Но главное, что движет ею – верховный закон любви. Все остальные законы ничто перед любовью. Путь любви, которым она идёт, единственно верный путь. Недаром Ихсан Абдель Куддус называет эту любовь беспредельной, называет её «вершиной любви». Героиня Куддуса настолько любила людей, что готова была отказаться от райского блаженства, если им не могли наслаждаться остальные. Мы знаем примеры, когда святые мужи были готовы пожертвовать вечным блаженством ради спасения ближних. Вспомним молитву Моисея за свой народ, который сделал себе золотого тельца вместо Бога: «Прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты меня вписал» [Ис. 2, 32].

Павел Флоренский писал, что человек получает по мере того, как отдаёт себя, что любить — это значит наслаждаться счастьем другого и счастье чужое признавать за своё. А по мнению шотландского богослова Друммонда, нам нужно жить завтра только потому, что есть люди, которых мы хотим видеть завтра, с которыми

ми мы хотим быть, которые нас любят, и которых мы хотим любить. Он считал, что на Страшном Суде нас не будут обвинять ни в чём, кроме недостатка любви. Иоанн Шаховской считал, что для существа доброго творить добро всем - радость, а не творить - мучение, что смысл жизни состоит в бесконечной, переливающейся через край любви.

Религиозные взгляды Ихсана Абдель Куддуса, так же как и Яхьи Хакки, определены исламом. Представление о мусульманском благочестии состоит в поклонении Богу, молитве, посту. Мусульманин должен подавать закят и совершать хадж по мере возможности. Он не должен никому причинять несправедливость или вред. Благочестие героини Куддуса выходит за эти рамки. То, как она выполняла основные предписания ислама, остаётся «за кадром», хотя нет сомнения в том, что она их исполняла. Основное внимание в рассказе сконцентрировано на другой стороне её жизни – на любви к ближнему до полного самоотречения. Но об этом мы читаем не в Коране, а в Евангелие: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» [Ин.13,34]. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» [Ин.15,13].

Остаётся предположить, что заповедь любви хоть и не предписывается мусульманину, но не противоречит предписаниям ислама, особенно, если это касается тех, кто стремится к благочестивой и добродетельной жизни. В подтверждение этого я предлагаю обратиться к творчеству наиболее яркой и выдающейся личности в современной арабской литературе — Таха Хусейна. Он был выходцем из простой многодетной крестьянской семьи и добился невероятных успехов: стал доктором египетского университета, доктором Сорбонны, занимал должность профессора древней истории в египетском университете, был видным государственным и общественным деятелем, знаменитым писателем. Его причисляют к классикам современной египетской литературы. При этом Таха Хусейн был слеп, он ослеп в раннем детстве после перенесённого заболевания.

Его отличала большая уравновешенность, умение владеть собой во всех ситуациях, подчинять свои эмоции высшей целеустремлённости. Среди произведений этого писателя особое место занимают его воспоминания «Дни». В 1929 г., когда писатель уже преодолел сорокалетний рубеж, вышла первая часть его автобиографической трилогии. Из этой книги мы можем почерпнуть многие сведения о том, как жили в деревне в то время, какие нравы и обычаи доминировали, какая обстановка царил в семье писателя, как относились родители к детям, каковы были отношения между родителями, как строились отношения с соседями. Перевод Крачковского, который поначалу воспринимается как трудный и чересчур детальный, более напоминающий подстрочник, полностью воспроизводит стиль египетского писателя, его эмоциональное состояние, малейшие оттенки его настроения.

В первой части этой книги мы читаем об одном очень важном трагическом событии для Таха Хусейна и всей его семьи. Когда будущему писателю было одиннадцать лет, умер его старший брат, юноша семнадцати лет. Он занимался медициной и во время эпидемии холеры помогал врачам в лечении этого опасного заболевания. Во время этих мероприятий, когда эпидемия уже пошла на спад, он неожиданно заразился и скоропостижно скончался на руках родных. Это событие повлияло на одиннадцатилетнего Таха совершенно особенным образом: именно в этот период он стремился всеми способами – иногда милостыней, иногда чтением Корана, иногда постясь, – но обязательно приблизиться к Богу.

Он пишет, что толкали его на это не страх, не опасение. «Он знал, что брат его был юношей, воспитанником светских школ и небрежно относился к выполнению своих религиозных обязанностей. И мальчик, совершая различные религиозные обряды, хотел снять со своего брата некоторые прегрешения. Брату его шёл восемнадцатый год жизни, а мальчик слышал от шейхов, что молитва и пост обязательны для человека, когда

он достигает пятнадцати лет. Мальчик рассчитал сам, что брат его должен Аллаху пост и молитву за три полных года, и вменил себе в обязанность совершать пять молитв ежедневно два раза – один раз за самого себя, другой раз за брата, и поститься в году два месяца – месяц за самого себя, месяц за брата.

Он обязался скрывать это от всей семьи и сделал это специальным заветом между собой и Богом. Он будет давать есть бедняку или сироте от попадающих в его руки пищи или плодов, прежде чем возьмёт свою долю» [Хусейн Таха, 1989:73]. И маленький Таха добросовестно выполняет этот завет, явив тем самым яркий пример добродетели истинно верующего человека. Этому не учили его в школе, об этом не говорили ему его родители, эта мысль сама пришла к нему в голову. А кто внушил её мальчику, пусть каждый решит для себя сам, в меру своего собственного восприятия и своих взглядов.

А вот как отвечает на этот вопрос сам Таха Хусейн. Воспоминания написаны в виде разговора, который он ведёт со своей дочерью, вернее, в виде монолога. При этом писатель спрашивает свою дочь о том, кто направлял его жизнь, кто вёл его по жизни. И сам же отвечает на него следующим образом. «Разве ты его не узнаёшь? Посмотри на него! Это тот ангел хранитель, который склоняется над твоей кроватью, когда наступает вечер, чтобы ты встретила ночь спокойно в сладком сне. Он склоняется над твоей кроватью, когда наступает утро, чтобы ты встретила день радостно и весело. Разве ты не обязана этому ангелу сопровождающим тебя покоем ночи и весельем дня? И вот этот ангел, моя дочка, склонялся над твоим отцом и заменил ему нужду довольством, отчаяние – надеждой, бедность богатством, а несчастье – счастьем и светом! Долг твоего отца перед этим ангелом не меньше твоего долга. Поможем же друг другу, дочка, вернуть этот долг, хотя нам не удастся выполнить и части того, что мы хотели бы» [Хусейн Таха, 1989:80].

Эта цитата является ключом к мировоззрению Таха Хусейна, которое лежит в основе всего его творчества и жизни.

Мы рассмотрели произведения современных египетских авторов, затрагивающих одну тему. Эти писатели принадлежат к различным поколениям, их политические и литературные взгляды во многом разнятся. Но один момент является, бесспорно, объединяющим для рассмотренных произведений. Он присутствует в них в качестве одного из персонажей. Этим персонажем является Божественный ангел, отношение к которому Таха Хусейн выразил совершенно определённо. Это отношение и объединяет трёх выдающихся писателей.

Эволюция веры и национального сознания в произведении современного египетского писателя Яхьи Хакки «Светильник Умм Хашим»

По единодушному мнению большинства исследователей, египтяне больше всего ценят в людях набожность. Э.У. Лэйн ещё в середине позапрошлого века в книге о нравах и обычаях египтян отмечал, что, если мусульманин не занят делом или разговором, он почти наверняка произносит какую-нибудь религиозную формулу. Если его смущает дурная мысль или воспоминание о нехорошем поступке, он вздыхает: «Прошу прощения у Аллаха Великого!» [Васильев, 2000:187].

По мнению известного российского востоковеда А.М. Васильева, «для массы египтян Аллах — воплощение писаного и неписаного закона общественной совести, высшей справедливости» [Васильев, 1989: 190]. Он пишет, что, «приступая даже к пустячному делу, египтянин машинально произнесёт: «Во имя Аллаха, милостивого и милосердного!», а, завершив работу, скажет: «Хвала Аллаху!» «Аллах с человеком постоянно — в семье, в быту, в труде, в учёбе, в любви и ненависти, за трапезой и во сне. Однако упоминание Аллаха чаще всего — привычка, как наше «слава Богу», «ей Богу» [Васильев, 1989:188].

Что это за привычка, является ли она следствием механического повторения и заучивания религиозных формул, или смысл её кроется в гораздо более глубоко-

ких сферах? Если это всего лишь привычка, то каковы её последствия? Ответы на эти вопросы мы попытаемся найти в произведениях современного очень популярного египетского писателя Яхьи Хакки. В самой известной его повести «Светильник Умм Хашим», которая по единодушному мнению критики изображает национальный египетский характер, писатель подробно и поэтапно описывает развитие религиозного чувства главного героя, раскрывает генезис веры как процесс, непосредственно связанный с развитием национального сознания.

В повести изображена простая крестьянская семья шейха Раджаба и его жены г-жи Адили. Эти весьма благочестивые люди приезжали в Каир вместе со своими детьми, среди которых был Исмаил, с тем, чтобы обратиться к Святой Зейнаб, одной из наиболее почитаемых в Египте святых, и попросить её заступничества, помощи и молитв. «Как только они достигали священных ступеней, ведущих в мечеть, отец жестом заставлял Исмаила опуститься на колени и, подобно другим членам семьи, мальчик целовал «эти благословенные ступени». Благодаря инстинкту подражания, Исмаила даже и не надо было понуждать делать это. Пока он вот таким образом целовал камень, люди, входившие и выходившие из мечети, едва не наступали ему на голову.

Какой-нибудь педант теолог, глядя на всё это семейство, раздражённо отворачивал лицо, ругая ужасные времена и призывая Бога на помощь против такого «идолопоклонства, ереси и невежества». Тем не менее, большинство людей при этом обычно снисходительно улыбались наивности этих крестьян, одежда которых пахла землёй, молоком и навозом. Они понимали, как много надежд эти простые люди возлагали на этот визит и что они не могли найти другого способа, чтобы выразить тепло своих чувств, любовь и поклонение этой Святой» [Хакки Яхья, 1975:60].

По выражению Ибрагима Ахмеда Шааляна, семьёй в Египте правит не закон, а

традиция. Власть семьи сильнее закона, семья диктует нормы поведения. Эти нормы члены семьи воспринимают от своих предков и передают их следующим поколениям. Так происходит и в данной повести: поколение шейха Раджаба пытается передать своему сыну Исмаилу религиозные традиции: совершать молитву, посещать святые места, чтить любимых ими святых и т.д. Имя главного героя Исмаила совпадает с именем библейского прародителя египетского народа — Измаилом, сыном Авраама и его невольницы Агари. Согласно Библии, по требованию жены Авраама Сарры Агарь и Исмаил были изгнаны из дома Авраама. Они заблудились в пустыне Вирсавии и чуть было не умерли от голода и жажды. Тогда Агарь «подняла вопль и плакала». Бог ещё раньше обещал Аврааму, что произведёт от Исмаила «великий народ». И теперь в пустыне он опять говорит об этом, на сей раз Агари: «Встань, подними отрока и возьми его за руку, ибо Я произведу от него великий народ» [Бытие 21:15-21].

Совпадение имени главного героя повести с именем библейского родоначальника египетского народа вряд ли носит случайный характер, похоже, что Яхья Хакки ставит своей целью создать собирательный образ египтянина, и его имя подчёркивает этот факт.

На страницах повести Исмаил как бы вновь переживает один из самых драматических моментов своей жизни, период своего духовного становления.

Он получает в семье прочные религиозные основы и навыки. Ему прививают их точно так же, как учат мыть лицо и вести себя за столом, соблюдать правила общежития. Есть мнение, что такое религиозное воспитание бесперспективно, так как лишает человека возможности осознанного выбора. Нередко можно услышать, что выбор религии должен происходить в сравнительно зрелом возрасте и независимо от мнения кого-либо, даже родителей, тогда вера будет иметь прочную основу и выдержит любые превратности судьбы.

Вера Исмаила, да и все остальные его убеждения, подвергаются серьёзным ис-

пытаниям. Он едет в Европу чтобы стать врачом. Шейх Раджаб ценой самоотверженного труда обеспечивает своему сыну европейское образование. В Европе Исмаил оказывается в своеобразном духовном вакууме. В представлении европейцев религия — это механизм, созданный для управления народными массами. Они считают, что образованный человек должен быть свободен от неё, как от предрассудка. По мнению Васильева, «египтянин психологически нуждается в принадлежности к большой семье, к большой группе, которой он будет давать и у которой будет брать» [Васильев, 2000:112].

Так и Исмаил: помимо религиозных традиций, он воспринял от своих родителей отношение к людям, особенно к тем, кто находится в тяжёлом положении и нуждается в помощи. «Исмаил большую часть своего времени и внимания уделял самым слабым своим пациентам, тем, кто был морально подавлен, чьи нервы были расстроены из-за гигантских усилий, которые они должны были прилагать, чтобы выжить (а в Европе таких легион). Он обычно сидел и слушал молча их жалобы, полагая, что говорить с ними надо, немного спустившись до их уровня» [Хакки Яхья, 1975:87]. Такое поведение Исмаила вызывает резкую критику его коллег. В этом проявляется столкновение восточной и западной психологий: сострадания — с одной стороны, и холодной практичности — с другой.

Подруга Исмаила, молодая врач Мери, которая символизирует западный образ мысли, заметила его в окружении больных и сломленных людей, которые буквально висли на нём и чуть ли не рвали его на части. Она подошла к нему и резко произнесла: «Ты не Иисус Христос. Тот, кто стремится жить как Ангел, бывает побеждён дьяволом. Ты разве не знаешь, что жалость допустима только дома? Эти люди тонут, и они ищут кого-нибудь, кто протянет им руку. Но, ухватившись за неё, они тянут его за собой на дно. Твои восточные чувства плохи и нежелательны, они непрактичны и бесполезны. Их слабость и бессмысленность очевидна. Сильные чувства только те, которые

человек не показывает другим» [Хакки Яхья, 1976:88].

Душа Исмаила содрогнулась от её резких слов. Он почувствовал, как они, точно нож, режут по живому, отсекая части его тела, которые соединяли его с другими. «Однажды он проснулся и обнаружил свою душу полностью разрушенной. Религия в его представлении превратилась в простой обман, созданный лишь для управления народными массами. А человек мог стать сильным и счастливым, только отделившись от толпы и глядя на неё исключительно со стороны» [Хакки Яхья, 1975:88]. Быть одним из многих здесь считалось чем-то постыдным.

Итак, Исмаил тяжелее всего переживает своё столкновение с философией индивидуализма. Она буквально обрушивается на него и ломает его психологию. Ведь, по мнению многих учёных, индивидуализм чужд египтянину. «Горожанин и феллах расслабляются в толпе. Постоянно, из поколения в поколение, он живёт в человеческой массе. Он — часть этой людской массы и до недавнего времени не представлял себе другой жизни» [Васильев, 2000:112].

Васильев отмечает, что в условиях, когда жизнь человека зависит от труда многих, групповое начало стало характерной чертой египетского общества. «Феллаху индивидуализм противопоказан. Но он оказывается невозможным и для городских низов, ремесленников, торговцев» [Васильев, 2000:112]. По его мнению, бюрократия и чиновничья среда также исключают индивидуализм в любой форме. «Как это ни парадоксально, на первый взгляд, индивидуализм в Египте был чужд и высшим слоям общества, власть имущим» [Васильев, 2000:112]. Исмаил в Европе не только не нашёл понимания своих взглядов, он столкнулся с атакой на них. Он был лишён общения с людьми своей конфессии, но не нашёл здесь и христианства. Ведь, по словам его коллег, попытки подражания Иисусу Христу обречены на провал.

Схема эволюции религиозного сознания Исмаила до его возвращения в Египет выглядит следующим образом: рели-

гиозное чувство, привитое родителями, ещё не осознанное и не выстраданное, приходит в столкновение с европейской цивилизацией, имеющей основанную на научной логике и практицизме антирелигиозную, индивидуалистскую философию; она наталкивается на попытки Исаила сохранить свои нравственные установки, заложенные ранее, но они терпят поражение и, казалось бы, наступает полная потеря его первоначальных принципов, утрата веры и религиозного чувства.

Схема развития национального сознания Исаила несколько отличалась от этого процесса: первоначально Исаил был центром, вокруг которого вращались все члены его семьи, он был её надеждой. Его отношения с родственниками, соседями, в школе были очень гармоничны: он был преданным сыном, мечтал выучиться и служить своему народу. После приезда в Европу он понимает степень отсталости и невежества египтян, его представления о родине уже лишены идеализма, но он готов приложить все свои силы и знания, чтобы вытащить свой народ из этого состояния. Он полон желания вернуть свой сыновний долг родителям, обеспечив им безбедную и счастливую старость, основав свою клинику на родине. Потеряв веру в Бога, Исаил ещё не утратил чувства патриотизма.

И только по возвращении в Египет обе схемы, приходят в полное соответствие друг с другом. Религиозное и национальное сознание первоначально были результатом воспитания в семье. На них во многом повлиял и личный пример родителей Исаила, та обстановка взаимной заботы, преданности и самоотверженности, которая царилла вокруг него. Это была крестьянская семья с самыми что ни на есть патриархальными обычаями. Эти обычаи сохранились в ней и после переезда в Каир. В данном случае мы имеем дело с зёрнами нравственного и религиозного потенциалов, которые были заботливо подготовлены не им самим, а его родителями.

Но, прежде чем принести свой плод, зерно должно... умереть. Это аксиома, о

которой говорил Иисус Христос и подтверждение которой мы нередко находим в жизни. То же самое происходит и с нашим героем. Убеждения Исаила подвергаются сокрушительному удару, и, казалось бы, окончательно умирают, когда он возвращается из Европы в Египет. Картины отсталости, которые на сей раз возникают перед Исаилом, рождают протест, отвращение, ненависть. Исаил ненавидит всех: отца, мать, шейха мечети, людей, наполняющих площадь Святой Зейнаб. Теперь он видел своих соотечественников такими: «Они были похожи на непригодные разваливающиеся каменные остатки колонн на пустынной земле: их назначение состояло в том, чтобы стоять на пути людей. Их речь напоминала крики животных, они с жадностью набрасывались на скудную пищу и поглощали её. Исаил всматривался в их лица: он мог заметить на них лишь выражение глубокой апатии, как будто все они были курителями опиума. Ни одно лицо не имело человеческого выражения». «Их тела не мылись годами, и не знали, что такое мыло». «Их оцепенение могло остановить любой прогресс» [Хакки Яхья, 1975:101].

Если, будучи за границей, Исаил, не задумываясь, отвергает предложение работать в одной из европейских клиник и стремится обратно на родину, то теперь он очень сожалеет о том, что не остался и не принял этого предложения. В отношении Исаила к своему народу и своим родным проявляется полное нетерпение и неприятие их взглядов и образа жизни. Видя, как г-жа Адиля закапывает масло из лампадки Святой Зейнаб в глаза Фатимы, он приходит в бешенство и, ворвавшись в мечеть, разбивает лампадку на глазах шейха Дардири и верующих. Нужно отметить, что как последние, так и родители Исаила проявили по отношению к нему максимум терпения и великодушия. Единственное чувство, которое они испытывали по отношению к Исаилу, были жалость и сожаление.

По мнению героя Хакки, египтяне живут в мире предрассудков, глубокой отсталости и их главными отличительными

чертами являются трусость, инертность и лень. «Исмаил чувствовал себя как птица, попавшая в капкан, которую посадили в клетку, из которой она всячески пыталась высвободиться. Он чувствовал себя связанным в своём доме, который он не мог выносить, и прикованным к площади, которая вызывала у него чувство отвращения. Тщетно он пытался убежать» [Хакки Яхья, 1975:101].

Кажется, что прошлое умерло для Исмаила, и его вера уступила место научной логике и практицизму, воспринятым им на Западе. А вместо патриотических чувств появляется лишь разочарование. Исмаил уходит из дома, его уходу предшествует драматическое событие: по его вине теряет зрение его двоюродная сестра, его невеста. Лечение, которое, несомненно, принесло бы положительный результат в европейской клинике, здесь заканчивается полной неудачей. Недоумение, горечь, стыд – вот гамма чувств, которые захлёстывают его на этот раз.

Исмаил снимает комнату в доме, которым владеет богатая гречанка – мадам Ифталиа. И в этот момент происходит новое знакомство Исмаила с Западом и европейцами. Раньше он имел о них представление, как о людях, которые каждое утро, несмотря на непогоду, мороз или дождь, шли на работу целеустремлённо и спокойно, с решительным и спокойным выражением лица. Они научили его работать, под их руководством он стал квалифицированным врачом. Европейцы на Востоке выглядят и ведут себя совершенно иначе. Их стремление к наживе здесь не прикрыто ничем. Их единственная цель здесь – заработать как можно больше на всём. Ещё раньше Исмаил понял, что они чётко делят людей на своих и чужих. С чужими можно всё, их можно обирать, эксплуатировать, с ними не надо быть любезными.

Здесь мадам Ифталиа была среди чужих. С того момента, как он «попал в её лапы», она обирала его буквально на всём, начиная с пожелания доброго утра и обязанности открывать ему дверь. Однажды она оштрафовала его за то, что он взял лишний кусок сахара за завтраком.

Как-то раз Исмаил сделал ей небольшой подарок, который состоял из сигарет и кекса. Мадам Ифталиа с удовольствием его приняла. Это не помешало ей тут же сделать ему замечание за то, что он слишком долго засиделся в комнате и тратил электричество. «Несомненно, европейцы в Египте сделаны из другого теста, нежели те, которых он видел в Европе» [Хакки Яхья, 1975:111]. Образ мадам Ифталиа показывает несовместимость западных принципов с восточным образом жизни. На фоне, казалось бы, отсталого нищего Востока проступает уродство этих принципов и духовная нищета европейцев.

И если в Европе недостаток духовности он восполнил за счёт погружения в науку, студенческую жизнь, любовные утехы, то здесь, в Египте, будучи отрезанным от соотечественников по своей вине, он не может компенсировать его ничем. Исмаилу становится тошно в доме мадам Ифталиа, он старается как можно больше времени проводить вне дома, и ноги сами несут его на площадь Святой Зейнаб, в район, где он провёл своё детство. Он приходит туда и часами, молча, наблюдает за её обитателями. А обитатели площади — это, казалось бы, всякий сброд: мелкие торговцы, нищие, проститутки, окуриватели помещений, парикмахеры и т.д. И теперь уже эти люди не вызывают у него отвращения, а, напротив, притягивают его.

И если раньше он называл их терпение проявлением идиотизма, то теперь это терпение пробуждает в нём чувство глубокой вины. В его памяти часто возникает образ Фатимы, которая никогда не жаловалась, пока он лечил её, и, потеряв зрение в результате этого лечения, она даже ни разу его не упрекнула. Исмаил чувствует себя палачом. Глубокое раскаяние приводит к неожиданным событиям. Наступил Рамадан. Рамадан в произведениях Хакки фигурирует часто, ему всегда придаётся большое значение. Не следует связывать с ним какой-либо символики. Рамадан — это пост, назначение которого понятно лишь верующему человеку. Пост берёт своё начало ещё в ветхозаветной

эпохе и является неотъемлемым догматом Ислама.

Наступил Рамадан, и произошло буквально следующее: «Когда пришёл Рамадан, это дошло до него не сразу. Он как-то чаще и дольше стал задерживаться на площади, раздумывая об окружающем. Определённо в воздухе появилось что-то, что-то новое. Это отражалось и на поведении людей, и даже на неживых предметах. Было так, как будто мир сбросил свою старую одежду и надел новую. Кругом была атмосфера какого-то затишья, перемирия после тяжёлой битвы» [Хакки Яхья, 1975:115]. И на этом фоне Яхья Хакки показывает, как пробуждается вера, а рядом с ней и национальное сознание Исмаила: «Он осмотрелся на площади. Его взгляд скользил по людям, которых он больше не считал невыносимыми. Он начал улыбаться их шуткам, и их смех напомнил ему дни его детства... Исмаил вдруг почувствовал себя защищённым и ощутил твёрдую почву под ногами. Больше не было скопища одиночек перед ним, напротив, это был народ, сплочённый в единое целое чем-то очень важным. И это что-то была вера, прошедшая испытание временем» [Хакки Яхья, 1975:112].

Вера и национальное сознание в произведении Хакки неразрывно связаны друг с другом. Бог обещал Аврааму, что произведёт от его сына «великий народ», и Он сдержал Своё обещание. И выполнив его, Он не мог оставить этот народ без Своего покровительства. Таков, как представляется, подтекст этого произведения. В ночь «Предопределения» Исмаил опять приходит на площадь. По верованию мусульман, это ночь, когда Коран был ниспослан на землю. В 97-й суре Корана, которая так и называется «сура Предопределения» говорится, что «Ночь Предопределения лучше тысячи месяцев», что Ангелы и дух в эту ночь «с соизволения их Господа по всякому делу» нисходят на землю.

Эта ночь играет особую роль в процессе прозрения Исмаила: «На секунду, его мысли остановились. Его внимание было привлечено звуком глубокого дыхания, эхом раздававшегося по всей площади.

Это, должно быть, Святой Идрис. Исмаил поднял взгляд и увидел... — купол мечети был окутан светом, который исходил изнутри. Он содрогнулся с ног до головы. «О, Свет! Где и почему Ты был далеко от меня все эти годы? Как я стремлюсь к Тебе! Плотное облако, которое закрывало мои глаза и сердце, рассеялось. Теперь я понимаю, что пряталось от меня - не может быть науки без веры. Она (Фатима) верила не мне, но в твоё благословение, твои чудеса и силу, Умм Хашим!» [Хакки Яхья, 1975:113]. Исмаил вернулся обновлённым к своей науке и медицине, на сей раз он был защищён верой. Он вновь берётся за лечение Фатимы и не отчаивается от того, что болезнь слишком запущена и давно приняла хроническую форму. Он настойчиво борется с ней, пока не появляется надежда. Он добился успеха, и Фатима предстала перед ним полностью здоровой. И тогда он не нашёл ни в своём сознании, ни в своём сердце ни малейшего признака удивления, которое он боялся там обнаружить.

Итак, схема развития религиозного чувства Исмаила после возвращения на родину выглядит следующим образом: сначала полное уничтожение веры, потеря жизненных идеалов. Вера покидает Исмаила, а религия представляется ему полным обманом и предрассудком – разочарование в европейском образе мышления и жизни, которые принимают в Египте уродливые формы эксплуатации и наживы – попытка восполнить духовную пустоту путём сначала созерцания своих соотечественников, затем попыткой общения с ними. Чувство глубокого раскаяния сопровождает Исмаила весь этот период – прозрение героя, когда его душа в один миг озаряется светом веры. Это происходит так же неожиданно, как расцветает цветок за одну ночь. Зерно, посаженное в землю, сначала умирает и теперь даёт свой росток, являясь основой новой жизни.

Такова схема возрождения веры Исмаила. Зёрнышко, заботливо посаженное его родителями, которые приложили для этого все свои усилия и никогда не теряли терпения и надежды, не могло про-

пасть даром. Всегда вознаграждается то, что делается бескорыстно и самоотверженно. Примерно по той же схеме происходит возрождение патриотического чувства героя. Поначалу оно существует со знаком минус, единственное желание героя – бежать из Египта, который он в тот момент сравнивает с «растёкшейся грязной лужей посреди пустыни». «Над ней кружились и жужжали тучи мух и москитов, а стадо тощих буйволов двигалось по нему по колено в грязи» [Хакки Яхья, 1975:102]. О соотечественниках он говорит следующее: «Раздетые и разутые, с кровью в моче и червями в кишечнике, они всегда переносили удары по своей длинной шее со смиренной улыбкой, уродовавшей их лица» [Хакки Яхья, 1975:101]. Исмаил считает, что история вынесла свой вердикт Египту, сравнивая его с огромным деревом, которое росло, набирало силу, принесло богатые плоды и теперь должно было засохнуть и умереть.¹

Таков результат работы разума героя. Разум, но не его душа ищет выход из создавшейся ситуации путём бегства в Европу. А душа? Душа противится этому. Каждый раз, когда Исмаил возвращается в дом мадам Ифтали, он обдумывает разные способы отъезда в Европу. И каждое утро он вновь оказывается на том же месте, где всегда — на площади Святой Зейнаб. Так же неожиданно, как происходит пробуждение веры, просыпается чувство национального сознания. Исмаил просит шейха Дардири дать ему немного масла из лампадки мечети Святой Зейнаб и выходит на площадь, прижимая к себе флакончик с маслом, и обращается к обитателям площади: «Идите ко мне все. Некоторые из вас делали зло, лгали. Но в моём сердце всё ещё есть место для вашей грязи, невежества и предрассуд-

ков. Ведь вы и я одной крови. Я дитя этой местности и этой площади. Время было несправедливо к вам. И чем несправедливее оно было, тем дороже вы стали мне» [Хакки Яхья, 1975:118].

В итоге Яхья Хакки показывает, как вера Исмаила и чувство национального сознания сливаются в единое целое, образуя союз, который является воплощённой гармонией. Картина, которую рисует Яхья Хакки в финале повести, отдалённо напоминает произведение Чернышевского «Что делать?». Эта финальная сцена должна быть наиболее дорога египетскому читателю, так как она согревает его душу надеждой на настоящее счастье, где царят бескорыстие и любовь.

Исмаил основал клинику для лечения глазных болезней. Его гонорар никогда не превышал одного пиастра за консультацию. Среди его пациентов не было элегантных господ, он лечил босоногих бедняков. Его имя стало гораздо более известно в деревнях, окружающих Каир, чем в самом городе. Крестьяне носили ему подарки: мёд, яйца, уток, цыплят. «Используя самые простые средства, он делал операции, которые повергли бы в изумление любого европейского врача. Он лишь придерживался основ своей науки, не применяя хитроумных инструментов и технологий. В первую очередь он опирался на Бога, а уже во вторую — на своё образование и мастерство. Поэтому Бог благословил его знание и умение. Он никогда не стремился разбогатеть, например, купить землю или богатый дом. Его единственной целью было лечить своих бедных пациентов» [Хакки Яхья, 1975:122].

Но образ Исмаила не является выхоленным, лишённым живых человеческих черт. Следуя воле родителей, он женился на своей двоюродной сестре и

¹ После выхода повести в свет прошли десятилетия. И вот в настоящее время опять поднимается тот же вопрос, опять звучит мнение, что «Египет кончился», исчерпал себя как «лидера» в арабском мире. В 2002 г. на международной конференции «Диалог культур», проходившей в Аммане, в кулуарах говорили о том, что египетская культура переживает глубокий кризис. Западные исследователи приводили в доказательство тот факт, что за последние годы в десятки раз снизилось производство художественных фильмов, а количество компьютеров на душу населения недопустимо мало. Некоторые аналитики привыкли даже духовные ценности конвертировать в свою валюту, которой они измеряют и морально-нравственный потенциал страны и её народа.

стал отцом большого многодетного семейства. Его образ в конце произведения сильно напоминает сразу нескольких чеховских героев: дядю Ваню, Ионыча, доктора Дымова и других. «К старости он сильно располнел. У него был отличный аппетит, он много и с удовольствием ел, любил посмеяться и пошутить. Одевался он неряшливо, пепел от сигарет был на всей его одежде: он был заядлым курильщиком и к тому же астматиком» [Хакки Яхья, 1975:122].

Образ Исмаила отличает одна черта, которая свидетельствует о тёплой симпатии, которую проявляет к нему автор. Яхья Хакки подробно, почти фотографично рисует его улыбку: «Как только смех срывался с его губ, он тут же возникал в его глазах. Нет более выразительных глаз, чем глаза людей, страдающих грудными болезнями: маленький бесёнок, казалось, выпрыгивает из них к вам. Они полны любви, понимания, юмора, доброты и терпения. Как будто они говорят вам: «Мир состоит не только из тебя и меня. В нём много волшебства, красоты, радости и совершенства. Счастлив тот, кто чувствует это. Ищите их, вы должны искать...» [Хакки Яхья, 1975:122]. Если в молодости глаза человека должны искриться огнём, то в старости они должны излучать свет. Этот свет и находит автор в глазах своего любимого героя.

Вера и религиозное чувство главного героя повести «Светильник Умм Хашим» претерпевает сложную и длительную эволюцию. Долгих семь лет прошло с момента его отъезда в Европу, и за эти семь лет произошли коренные изменения в духовном состоянии Исмаила. В произведении есть ещё один образ, который переживает драматические события в течение этих же семи лет. Это образ Наймы. Найма — молодая красивая женщина с вьющимися волосами и красивой фигурой. При её появлении мужчины сразу же обращают на неё внимание. Найма — проститутка. В повести ничего не сказано о том, что толкнуло её на этот путь. Ясно одно — это происходит вопреки её воле, порочный образ жизни заставля-

ет Найму страдать, и она просит Святую Зейнаб заступиться за неё перед Богом с тем, чтобы Он избавил её от этого позорного ремесла.

Она обращается к святой Зейнаб со словами молитвы, которая исходит прямо из её души. Она говорит о том, что Бог очистил святую Зейнаб от человеческих страстей и дал ей место в раю. Поэтому все больные, падшие и сломленные люди обращаются к ней, как к их посреднику перед Богом. Наима говорит, что её душа, измученная от унижений, просит об освобождении. Она живёт как в кошмаре и готова принять волю Господа, какой бы она ни была. Молодая женщина верит в своё освобождение, она надеется на Божью милость, но хотела бы знать, когда произойдёт её освобождение.

Вера этой девушки настолько сильна, что она даже на минуту не усомнилась, что Бог простит её и изменит её судьбу. Антоний Сурожский говорит, что о силе веры свидетельствует та степень надежды, которую вкладывает человек в свои молитвы, важно, насколько человек верит в то, что Бог простит его. Так и эта девушка, живёт надеждой, что придёт этот радостный день, и она зажжёт перед своей любимой святой пятьдесят свечек. Невольно вспоминается история преподобной Марии Египетской, которую раскаяние привело в пустыню, а надежда на Божью милость и вера позволили пробыть там долгих 47 лет.

Наиме пришлось ждать семь лет. И, наконец, этот день наступил. Он совпал с днём, когда Исмаил пришёл в мечеть Святой Зейнаб в ночь «Предопределения» и увидел, как Наима передаёт шейху Дардири пятьдесят свечек, которые тот одну за другой зажигает и ставит перед усыпальницей святой Зейнаб. Прозрение Исмаила происходит одновременно с освобождением Наймы. И все эти долгие семь лет она терпеливо ждала и надеялась, в то время как Исмаил пережил разочарование, отречение от веры и от своего народа. Яхья Хакки всего на нескольких страничках показывает, насколько разными путями Бог ведёт к Себе людей.

Есть ещё один существенный вопрос, который возникает после прочтения этого произведения. Как относиться к маслу из лампадки «Святой Зейнаб», которое Исмаил стал применять вместе со своими лекарствами. Профессор Оксфордского Университета М. Аль-Бадауи считает, что это была форма компромисса, которую Яхья Хакки здесь использовал. «Что Исмаил действительно делает с этим маслом? Лечит ли он им больные глаза Фатимы наряду с настоящими лекарствами? Если так, то верит ли он в его силу на самом деле? Должны ли мы воспринимать это как своего рода атавизм? Или же он применяет его лишь для того, чтобы завоевать доверие девушки? Здесь автор оставляет нас в неведении, и читателю трудно сделать какой-то определённый вывод относительно этого.

Исмаил вряд ли мог верить в эффективность этого масла, не отступив при этом от своих научных убеждений и принципов. Мы не можем также предположить, что он использовал его сознательно как «приманку», чтобы завоевать доверие своих пациентов, принимая во внимание значение момента его духовного прозрения. Но, возможно, мы и не должны так тщательно анализировать этот момент. Главная идея, которая была высказана ещё Эйнштейном, что наука без религии слепа, это всё, что имеет здесь значение, хотя конкретный пример, выбранный здесь для иллюстрации, довольно неудачен, поскольку он является символом не столько религии, сколько вредного предрассудка [Хакки Яхья, 1973:12].

Итак, масло из лампадки — символ вредного предрассудка? Или же это проявление особой милости Бога к людям? Решение этого вопроса лежит вне нашей компетенции. Мы отмечали что, в исламе нет института канонизации святых. Но, вместе с тем, у мусульман есть святые. Вместе с тем, но не вопреки этому. Есть святые, которые известны и почитаются небольшими группами людей, например, жителями одной деревни. Есть святые, которых почитают почти все мусульмане. К ним относятся «Святая Зейнаб»,

она же «Умм Хашим» (родоначальница династии Хашимитов), она же «Мать обездоленных» (Умм аль-аваджиз). «Святая Зейнаб» была внучкой пророка Мухаммеда. В честь неё в одном из районов Каира воздвигнута мечеть, которая так же, как и площадь, на которой она стоит, носит имя Умм Хашим.

Недаром вокруг мечети всегда полно народу. Жизнь кипит на площади с рассвета до заката. Простые люди предпочитают трудиться под покровительством и защитой любимой ими «святой». Площадь «Святой Зейнаб» стала центром многих произведений египетских писателей, героями которых являются простые жители Каира, погружённые в заботы сегодняшнего дня о хлебе насущном, которые при решении всех проблем, прежде всего, привыкли обращаться к молитве, а уже потом предпринимать какие-либо действия. Является ли использование масла из мечети Святой Зейнаб вредным предрассудком, как считают многие, среди которых и доктор Аль-Бадауи, или же проявлением более высокой степени веры — решать не нам.

Проводить научные исследования в вопросах веры нет смысла так же, как пытаться определить при помощи какого-нибудь прибора степень любви или ненависти, бездарности или гениальности. Хочу только отметить, что людям православным такое отношение мусульман к маслу от «Святой Зейнаб» вполне понятно. В отличие от людей других конфессий, православный человек ищет Бога во всём, поэтому он благоговейно относится и к Святой воде, запасая её впрок, к просфорам, к помазаниям, используя соборное масло для лечения всех болезней. Святые в православии имеют большое значение, и духовный путь православного человека без участия конкретных святых, которые покровительствуют ему, практически невозможен.

Что касается позиции самого Яхьи Хакки, то осмелюсь сделать предположение, что использование героем масла из лампадки «Святой Зейнаб» вряд ли имеет символическое значение. Масло — это не символ, и использование его — это

акт веры. Можно говорить о предрассудках, которые царят среди простых, безграмотных людей. Но можно говорить и о примерах проявления глубокой веры, которые у простых людей встречаются гораздо чаще, чем у людей образованных. Этот факт отмечал ещё Пушкин, наблюдавший за крестьянами в селе Михайловском. Об этом писал и Таха Хусейн в своих воспоминаниях «Дни». Наука не может вступить в противоречие с верой, как предполагает доктор Аль-Бадауи.

Образованность человека на первом этапе отделяет человека от веры, так как голос разума в начале научного пути часто заглушает голос души. Это произошло с главным героем повести Исмаилом. И только прочная связь его с родиной, своим народом, голос совести дают ему возможность обрести ту веру и то спокойствие, с которыми он прожил всю свою жизнь. Позиции Яхьи Хакки в данном произведении, как и во всех других, определяются взглядами ортодоксального ислама. Как никто другой, он прочно стоит на этих позициях и чётко разграничивает Божественное начало и действие дьявольских сил. И Бог, и дьявол для Яхьи Хакки это не абстрактные категории, а вполне осознанные им реальности. Если внимательно всмотреться в героев его произведений, то начала этих двух реальностей проступают в них довольно чётко, и автор чётко их разграничивает.

Другая проблема, не менее важная, затронута в произведении Яхьи Хакки: взаимоотношение Востока и Запада. Автор признаёт очевидность превосходства Европы в техническом отношении. Он считает, что Восток, и, в частности, Египет должен воспринимать достижения научно-технического прогресса. Но он должен делать это не в ущерб своим духовным основам. Хакки не обрушивается с явной критикой на Запад, как это делает Тауфик аль-Хаким в своей повести «Птичка с Востока», и он не предлагает Западу учиться духовности на Востоке.

Каким образом решает Яхья Хакки проблему Востока и Запада? Проблема Востока и Запада в египетской общественной мысли появилась в конце

XVIII в., с момента установления французского колониального господства. Появление в Египте французской научной миссии продемонстрировало техническое и научное превосходство Европы над Египтом. Уже тогда многие молодые египтяне направились на учёбу в страны Европы. Примерно с этого времени в египетском обществе начинают говорить о необходимости перенимать европейские достижения в научной и технической областях.

Появляются «западники», которые ратуют за подражание Западу во всём, появляются даже сторонники реформирования ислама, которые считают, что необходимо модернизировать его, приспособить к требованию эпохи, что является следствием западного влияния. Западникам противостояли традиционалисты, которые, прежде всего, отсылали к первоисточникам, к Корану и сунне как началу всех начал. Они выступали против копирования Запада и считали возможным перенимать там только отдельные элементы цивилизации.

Проблема Востока и Запада, технического превосходства последнего и отсталости первого стоит и в произведении Яхьи Хакки. Так же, как и многие способные молодые люди, Исмаил едет учиться в Англию. Его отец решил отправить сына в эту далёкую, в его представлении покрытую снегом, страну, несмотря на то, что это стоило ему огромных усилий. Когда Исмаил жил и учился в Англии, ездил на каникулы в студенческие лагеря, его семья в Египте практически голодала, чтобы собрать для него необходимые средства. Шейх Раджаб и члены его семьи являются яркими представителями традиционных, патриархальных взглядов. Эти же взгляды разделял и Исмаил до поездки в Европу. Попав туда, он сразу же оценил степень развития западной цивилизации и отсталости своей страны и ту пропасть, которая лежала между ними.

Позиция Исмаила в отношении проблемы взаимоотношения Востока и Запада во многом, а скорее всего полностью совпадает с позицией самого Хакки. В течение долгих лет Яхья Хакки занимал-

ся дипломатической деятельностью и занимал ряд постов в Западной Европе, в частности, в Италии и Франции. Женившись на французенке, он был вынужден оставить дипломатическую карьеру и вернуться в Египет. Можно предположить, что, находясь в Европе, да ещё и на высших дипломатических постах, Яхья Хакки, как и его герой, смог оценить степень европейской развитости и цивилизации. Он не был «традиционалистом» и нередко призывал черпать из западных достижений полной чашей. Был ли он «западником»?

На этот вопрос можно ответить, проследив за эволюцией взглядов его героя. После знакомства с европейской цивилизацией у Исмаила сложилось следующее представление о представителях этой цивилизации. Это спокойные, решительные люди, которые не составляют долгосрочных планов, но которые принимают решения, тщательно проанализировав все «за» и «против». Они умеют наслаждаться природой, красивым пейзажем, живописью и музыкой. Они общительны, но не допускают особой духовной близости ни с кем, даже с друзьями или любовниками. Они безапелляционно отсекают от себя людей слабых, неприятных, претенциозных, меланхоличных и общаются только с теми, чьё общество доставляет удовольствие. Европейцы выгодно отличаются от представителей его народа дисциплиной, практичностью, ровным настроением. Исмаил вначале покорён новыми отношениями, религия в его сознании заменилась научной логикой, и вместо того, чтобы думать о райских кущах, он теперь думал о красоте природы и её тайнах.

Отправляя сына в далёкие края, шейх Раджаб наставлял его: «Мой совет тебе — живи за границей, как ты жил дома, строго соблюдая свою религию. Однажды допустив небрежность, ты никогда не знаешь, куда это может тебя завести» [Хакки Яхья, 1975: с. 78]. Исмаил допускает эту небрежность, и это приводит его к полной потере своих прежних убеждений, без которых он мог обойтись, живя среди европейцев, но не мог жить среди своих

соотечественников. Несколько насмешливо Исмаил отзываясь о европейских женщинах: поначалу его ошарашивает их сексуальная свобода и неразборчивость, которую он сравнивает с поглощением фруктовых плодов с дерева: «Для них дерево жизни унижено разного рода фруктами. У них всегда хороший аппетит. Почему они должны расстраиваться и плакать по поводу одного потерянного фрукта, если на дереве ещё так много других» [Хакки Яхья, 1975:90].

Исмаил признаёт превосходство западной цивилизации, но он далёк от восхищения ею. Думая о подарках для своих родителей, он отдаёт себе отчёт в том, что во всей Европе не нашлось бы ни одной вещи, которая бы подошла для них. В произведении шейх Раджаб и госпожа Адила олицетворяют коренное население Египта, которое отличается традиционными консервативными взглядами. В самые тяжёлые минуты разочарования в своём народе и своей стране Исмаил вспоминает англичан, которые с упорством и решительностью, с присущими им дисциплиной и пунктуальностью спешат выполнить свою работу в любую погоду, в туман и пургу. В то время, как его соотечественники малейшую непогоду воспринимают как стихийное бедствие и предаются панике.

Знакомство Исмаила с мадам Ифталией меняет его отношение к Европе и европейцам. Вначале он недоумевает, почему европейцы у него на родине не такие, как у себя дома? Как отмечает Васильев, «Запад не был миролюбивым, доброжелательным соседом за забором. За ним нельзя было просто наблюдать, изучать его, спокойно прикидывая, что из его опыта подходит, а что нет. Запад бесцеремонно ворвался в Египет в XIX в. своими товарами, своими займами, закабалившими страну прямой военной оккупацией. Запад в лице Великобритании пришёл отнюдь не как филантроп, не как старший брат, протянувший руку помощи отставшему Египту, не для того, чтобы поднять его на уровень своей цивилизации, а как циничный эксплуататор и грабитель» [Васильев, 2000: 264]

Этот момент не ускользает и от Яхьи Хакки. Он акцентирует на этом внимание своего героя, и это служит в конечном итоге главной причиной его отворачивания от Запада. Позиция Исмаила отражает общественное мнение Египта, о котором Васильев пишет следующее: «И сколько раз прекраснодушные иллюзии арабских либералов разбивались вдребезги при столкновении с голым хищничеством Запада. Поэтому с XIX в. до наших дней образ Запада в глазах египтян противоречив, двойствен: Запад как соблазнительный пример для подражания и Запад как ненавидимый угнетатель-эксплуататор и агрессор» [Васильев, 2000:264].

Эта двойственность некоторое время присуща и Исмаилу. Но всё-таки он преодолевает её и делает свой выбор. Его взгляды ближе всего теперь к взглядам его отца – шейха Раджаба. Последний ведь тоже понимал необходимость учиться у Запада, он даже отправил туда своего любимого сына. Вспомним совет, который он давал ему тогда, – строго соблюдать свою религию. Этот момент в произведении является очень важным. Потеряв свои религиозные убеждения, Исмаил теряет всё, восстановив веру, он обретает весь мир. Религиозные взгляды героя полностью отражают взгляды автора.

Вряд ли можно отнести Яхью Хакки к явным «западникам», которые видели необходимость приобщения к достижениям Запада во всех областях: военной, научно-технической, социальной, политической, правовой и идеологической. Взгляды Хакки в некоторой степени созвучны мнению Ат-Тахтави, который полагал, что в основе модернизации Египта должен лежать синтез западной и восточной цивилизаций. В произведении Яхьи Хакки европейцев в Египте символизирует мадам Ифталия. Её поведение, вполне приемлемое в Европе, здесь кажется совершенно противоестественным. Инонациональный, антиегипетский характер местного капитализма в Египте отмечает и Васильев, который пишет, что носителями капиталистических отношений были нахлынувшие в страну

предприниматели-инородцы – греки, ливанцы, французы, армяне, евреи, – своеобразные «полуарабы», «полуевропейцы», по своей социальной сути целиком ориентированные на Запад.

А поведение Исмаила подтверждает мнение российского востоковеда о деформированном и болезненном характере капиталистического развития Египта, которое началось ещё до английской оккупации. Васильев отмечает, что оно было уродливым и антинациональным, поскольку нахлынувшие в страну предприниматели властью денег грозили уничтожить духовный потенциал страны. Произведение Хакки является художественной иллюстрацией этого тезиса. Главный герой повести с самого начала чувствует в Европе недостаток духовности. Здесь нет неприятия христианства, которое принято приписывать мусульманам. Дело в том, что Исмаил не встретил там Христа. Подражание Христу в той среде, в которую он попадает, считается бессмысленным.

В чём состоит духовность людей, которые отсекают от себя людей слабых, неприятных, нуждающихся в помощи, и общаются только с теми, чьё общество доставляет удовольствие? Что здесь от Христа? Недаром Исмаил поначалу был просто раздавлен таким отношением. И так ли безобидна сексуальная свобода, которой он был ошарашен поначалу. Может быть, именно по этим причинам, в первую очередь, именно на Западе пробивает себе дорогу клонирование. Возможно, те же самые принципы холодной научной логики и расчёта привели к использованию европейскими врачами живого эмбриона человека в косметологии.

И сам Яхья Хакки, и его герой не делают выбора в пользу Запада. Сам писатель оставляет дипломатическую работу в пике своей карьеры и вместо лёгкой и красивой жизни в Европе он возвращается в Египет. Герой его повести после долгих и мучительных колебаний также отказывается от жизни в Европе, перспективной должности в английской клинике и возвращается на родину, где он встречает массу трудностей. Почему?

Чтобы ответить на этот вопрос, приведу первые и последние строчки из книги «Египет и египтяне» А.М. Васильева. «Я пил нильскую воду пять лет: год - студентом и четыре года, работая в Каире. Не став египтянином, я почувствовал себя в долгу перед Нилом, перед Египтом, перед египтянами и решил написать эту книгу» [Васильев, 2000:3].

Исмаил и его создатель оба были египтянами, они также чувствовали себя в долгу перед своей великой родиной и великим народом. «Что касается будущего, то автор этих строк верит в Египет и египтян... В стране на Ниле могут появиться политические лидеры и мыслители, соответствующие вызову, брошенному эпохой. Нужно только уметь ждать. И терпеть. В конце концов повторим ещё раз, вслед за египетским феллахом: «Ас-сабр-хейр» («Терпение — добро»)» [Васильев, 2000: 351].

Исмаил и его создатель, так же, как и российский востоковед, верили в будущее Египта. И у обоих египтян было достаточно терпения, чтобы ждать и надеяться. И в том будущем, на которое они надеялись, будет и их посильная лепта.

**Восток и Запад:
к вопросу о духовности
в произведениях арабских
и русских авторов**

Египетские писатели и критики нередко отмечали духовное родство, которое связывало их творчество с русской литературой. Можно наблюдать очевидные параллели между произведениями Яхьи Хакки, Юсуфа Идриса, Махмуда Теймура, братьев Убейдов и других писателей первой половины XX в. и произведениями Горького, Толстого, Чехова и др. Здесь речь идёт о непосредственном влиянии, когда арабские авторы воспринимали произведения русских писателей в качестве образца. Эти параллели касаются не столько внешних черт – сюжета, портрета, ситуаций, в которые попадают герои, сколько глубокого духовного родства героев, схожести их характеров и поведения в определённого рода ситуациях.

Нередко такого рода параллели можно отыскать даже в произведениях, которые никаким образом не соприкасались и не оказывали непосредственного влияния друг на друга.

Возьмём самую сокровенную сферу духовности – общение человека с Богом. В качестве иллюстраций нам послужит рассказ Яхьи ат-Тахира Абдаллы «Три апельсиновых дерева», повесть Яхьи Хакки «Светильник Умм Хашим», роман Михаила Булгакова «Белая гвардия», фильм Федерико Феллини «Ночи Кабирии» и книга Ивана Ильина «Поющее сердце».

В рассказе Яхьи ат-Тахира Абдаллы описывается лагерь палестинских беженцев. В нём живёт женщина из Яффы со своей маленькой дочкой Аззой. Её муж Хамад умер в этом лагере от голода. «Там, в Яффе, Хамад был сильным и неутомимым. Его называли «Море». А ещё называли «Ночь». Он смеялся шуткам... и всегда улыбался ей, своей жене... И был счастлив... там, в Яффе. Но пришли чужие, обступили со всех сторон. И сейчас там чужие. А он добрался сюда и умер. Умер на чужой земле». [Живи Египет, 1973:222].

Взрослый сын женщины Джасим ушёл воевать с оккупантами. Как объясняет палестинка: «Хоть один из нас должен быть там, чтобы впредь там были не они, а мы». Она рассказывает своей маленькой девочке, какой красивый у них дом в Палестине. А рядом с домом растут три больших апельсиновых дерева. Эта женщина проявляет необыкновенное мужество в той ситуации, в которой она оказалась, а в отношениях со своей маленькой дочерью – глубокую любовь и нежность. Она не позволяет себе ни минутной слабости, ни дурного настроения, ни жалоб на судьбу. «Ты будешь большая... И пойдёшь на базар за свежими овощами к обеду... У нас там есть базар... В Палестине много базаров. У нас в городе очень большой базар. Я буду старая. Ты станешь вести всё хозяйство. Будешь одна спать на кровати. Не станешь уже спать со мной. Вырастешь. У тебя будет своя кровать, а у меня своя. На твоей кровати будет белая простыня. И на моей тоже белая простыня...».

Несмотря на нечеловеческие условия жизни в лагере за колючей проволокой, эта женщина не утратила ни жизнерадостности, ни даже какой-то поэтики, присущей её характеру: «Мать спросила:

- Ну как, добрая у тебя мама?
- Да, мамочка, ты очень добрая.
- Я добрая и старая.
- Да, старая и добрая.
- А дочка у меня добрая и маленькая... и красивая.
- Я добрая и маленькая.
- А когда вырастешь, будешь большая, добрая и красивая.
- Буду большая и красивая.
- Будешь стирать платья ... красные, и жёлтые, и зелёные.
- Все-все – и красные, и жёлтые, и зелёные». [Живи Египет, 1973:225].

Когда наступает ночь, и девочка засыпает, женщина даёт волю своим чувствам, воспоминаниям, она мысленно обращается к сыну, который далеко, и даже не известно, жив он или нет. «Услышь мой голос, Джасим. Я молюсь за тебя и жду. Услышь меня, мой единственный. Я молюсь за то, чтоб завтра и я, и ты, Джасим, увидели бы свой дом и свои деревья» [Живи Египет, 1973: 227].

Обращаясь к спящей девочке, мать шепчет, что Джасим обязательно придёт и заберёт их в Яффу, где их родной дом, где они радовались любой земной твари. И в этот момент из души этой женщины вырывается молитва к Тому, Кто может всё: спасти их, защитить, покарать обидчика. «Почему, когда нам так трудно, Ты прячешься от нас? Явись, о Господи! Спаси наших близких от смерти и унижения. Занеси карающую Свою длань! Порази злодея, гордящегося своей ненасытностью, грабителя, хулящего имя Господне. Разве суд Твой не превыше всего?! Пусть враг наш узнает смерть и страдания. Ведь они убийцы, Господи. Они не пахнут нашу землю. Не собирают хлеб. Мы пахали и сеяли, и собирали... хлеб, оливки, апельсины. Мы жили честно и поступали справедливо, и говорили правду, и не чинили зла ближним. И доходы наши были честными, мы не брали взяток и не обманывали невинных людей.

Воспылай гневом, о Господи. Обрушь гнев Свой на злодея. Спаси нас. Порази того, кто занял Твой дом, Твои святыни. Верни моему сердцу право радоваться и петь. Вот уж заря, я вижу её серебристый свет, чистый и ясный, как наше право на счастье. Чистый, как наши сердца, как справедливость. Разве не таковы мы, Господи?!» [Живи Египет, 1973:228].

В этих словах и надежда, и мольба, и жажда справедливости, и требование наказать обидчика, и вопрос «за что?», который задаёт себе каждый, на пути кого встречается неудача, испытание, горе. Душа этой женщины наполняется скорбью, и эта скорбь переносит её в пространство, близкое к Богу, где она может разговаривать с Ним почти как равная, как дочь с Отцом, потому что её страдания и её любовь к детям, мужу, родине дают ей на это право.

Как писал И.А. Ильин, молитва имеет способность увести человека от страдания, она возносит его к Тому, Кто послал ему это испытание и призвал к терпению. «Терпение совсем не есть «пассивная слабость» или «тупая покорность», как думают иные люди; напротив, оно есть напряжённая активность духа. И чем больше оно прикрепляется к смыслу побеждаемого страдания, тем сильнее становится его творческая активность, тем вернее наступает его победа. Терпение есть не только искусство ждать и страдать, оно есть, кроме того, вера в победу и путь к победе, более того, оно есть сама победа, одоление слабости, лишения и страдания, победа над длительностью, над сроками, над временем: победа человека над своей тварностью и над всякими «жизненными обстоятельствами». [Ильин, 2006:278]. Терпение помогает нашей героине победить в её трудных «жизненных обстоятельствах», потому что та сила духа, которая в ней проявляется, уже есть победа.

Обратимся к ещё одному из вышеупомянутых произведений – роману Булгакова «Белая гвардия». Ситуация, описанная в романе, по своей заострённости весьма схожа с той, которую мы встречаем в произведении арабского автора. Он был написан в 1922-1923 гг., в нём рас-

сказывается о событиях «смутного времени», свидетелем которых был автор: гражданская война, предательство союзников, вступление на Украину петлюровских войск, бегство гетмана. Семью Турбиных, которая занимает центральное место в романе, постигают тяжёлые потери: умирает мать, Елену предаёт муж – Сергей Тальберг, он бежит в Берлин, оставив жену в этой опасной обстановке. В одной из комнат лежит умирающий Алексей Турбин, старший брат Елены, о котором врач сказал, что надежды нет никакой. Младший брат, семнадцатилетний Николка, принимает живое участие во всех событиях, ему старательно помогает нелепый Лариосик, родственник, приехавший из Житомира, и трое друзей Алексея Турбина, среди которых офицер, по прозвищу Карась.

Главное, что отличает семью Турбиных, это то, насколько бережно и заботливо они относятся друг к другу. И никто из них не думает о себе, о своих несчастьях. Дружба и любовь царят в этом семействе, и эпицентром этой любви является Елена. Измученная тревогой за брата, она закрывается в своей комнате. «Плачет, Никол, - отчаянным голосом прошептал Лариосик, вздохнул, на цыпочках подошёл к Елениной двери, наклонился к замочной скважине, но ничего не разглядел. Он беспомощно оглянулся на Карася, стал делать ему знаки, беззвучно спрашивать. Карась подошёл к двери, помялся, но потом стукнул всё-таки тихонько несколько раз ногтем в дверь и негромко сказал:

– Елена Васильевна, а Елена Васильевна...

– Ах, не бойтесь вы, – донёлся глуховато Еленин голос из-за двери». [Булгаков, 2006: 292].

Ощущая полную свою беспомощность перед происходящим, Елена идёт к иконе Божьей Матери. По словам Ивана Ильина, «человеческий дух не знает более действенного, более чистого утешения, чем молитва», и «молитва, восходящая из чистой совести, бывает чудотворной» [Ильин, 2006:153, 152]. Елена зажигает лампадку перед иконой Богородицы. «Когда огонёк созрел, затеплился, вен-

чик над смуглым лицом Богоматери превратился в золотой, глаза её стали приветливыми. Голова, наклоненная набок, глядела на Елену... Елена слезла со стула, сбросила с плеч платок и опустилась на колени. Она сдвинула край ковра, освободила себе площадь глянцевого паркета и молча положила первый земной поклон. Елена с колен исподлобья смотрела на зубчатый венец над почерневшим ликом с ясными глазами и, протягивая руки, говорила шёпотом:

– Слишком много горя сразу посылаешь, Мать-Заступница. Так в один год и кончаешь семью. За что? Мать взяла у нас, мужа у меня нет и не будет, это я понимаю. Теперь уж очень ясно понимаю. А теперь и старшего отнимаешь. За что? Как мы будем вдвоём с Николом? Посмотри, что делается кругом, Ты посмотри... Мать-Заступница, неужто ж не сжалишься?.. Может быть, мы люди и плохие, но за что же так карать-то?

Она опять поклонилась и жадно коснулась лбом пола, перекрестилась и, вновь простирая руки, стала просить:

– На Тебя одна надежда, Пречистая Дева. На Тебя. Умоли Сына своего, умоли Господа Бога, чтоб послал чудо...

Шёпот Елены стал страстным, она сбивалась в словах, но речь её была непрерывна, шла потоком. Она всё чаще припадала к полу, отмахивала головой, чтоб сбить назад выскочившую на глаза из-под гребёнки прядь. День исчез в квадратах окон... и совершенно неслышным пришёл Тот, к Кому через заступничество смуглой Девы взывала Елена. Он появился рядом у развороченной гробницы, совершенно воскресший, и благостный, и босой. Грудь Елены очень расширилась, на щеках выступили пятна, глаза наполнились светом, переполнились сухим бесслёзным плачем. Она лбом и щекой прижалась к полу, потом, всей душой вытягиваясь, стремилась к огоньку, не чувствуя уже жёсткого пола под коленями. Огонёк разбух, тёмное лицо, врезанное в венец, явно оживало, а глаза выманивали у Елены всё новые и новые слова. Совершенная тишина молчала за дверями...

– Мать-Заступница, – бормотала в огне Елена, – уприси Его. Вон Он! Что ж Тебе стоит. Пожалей нас. Пожалей. Идут Твои дни. Твой праздник. Может, что-нибудь доброе сделает Он, да и я тебя умолю за грехи. Пусть Сергей не возвращается... Отымаешь, отымай, но этого смертью не карай... Все мы в крови повинны, но Ты не карай. Не карай. Вон Он. Вон Он... Вон Он.

Огонь стал дробиться, и один цепочный луч протянулся длинно, длинно к самым глазам Елены. Тут безумные её глаза разглядели, что губы на лице, окаймлённом золотой косынкой, расклеились, а глаза стали такие невиданные, что страх и пьяная радость разорвали ей сердце, она сникла к полу и больше не поднималась» [Булгаков, 2006: с. 297].

Елена искренне изливает своё отчаяние, своё бессилие перед Богом и просит Его совершить чудо. Здесь можно разглядеть разницу в мировоззрении самого Булгакова и героини романа. Елена добровольно соглашается в молитве на потерю мужа, предлагая эту жертву в обмен на жизнь брата. Булгаков называет это суеверием. Но такого рода жертвы ради ближнего в православной литературе можно встретить часто. Чудо происходит в тот же вечер, Алексей Турбин приходит в себя и начинает выздоравливать. А через некоторое время Елена получает письмо из Берлина от своей знакомой, которая пишет о том, что Сергей Тальберг готовится вступить в брак с некой Лидочкой Герц.

Теперь обратимся к повести Яхьи Хакки «Светильник Умм Хашим». Многие писатели в своих произведениях описывали площадь св. Зейнаб: Абд ар-Рахман аш-Шаркави, Тауфик аль-Хаким, Яхья Хакки, Нагиб Махфуз и другие. Именно простые люди и бедняки, которые прежде всего уповают на помощь Аллаха, предпочитают жить или трудиться поближе к этому месту, чтобы быть под покровительством любимой ими «святой».

В повести Яхьи Хакки есть образ молодой красивой женщины, которую зовут Наима. Наима – проститутка, порочный образ жизни заставляет Наиму страдать,

и она просит Умм Хашим заступиться за неё перед Богом, с тем чтобы Он избавил её от этого позорного жребия: «О, Умм Хашим, защитница несчастных женщин! Не отврати глаз твоих от меня и лица твоего. Вот я стою и плачу в надежде на твою жалость и в мольбе протягиваю к тебе свои руки. Пожалуйста, возьми их! Бог очистил тебя и защитил. Он дал тебе место в Раю, и сердце твоё исполнено доброты. Если больные, падшие и сломленные люди не будут просить тебя, то кого ещё они могут просить? Если другие нас забыли – то ты нас не забудь! Когда мой жребий будет изменён? Разве это не ужасно, что моё тело не принадлежит мне, что я даже не чувствую боли? Вот тут, на этих ступенях моя душа, измученная от унижений, просит об освобождении. С тех пор, как Божья милость покинула меня, моя душа живёт как в кошмаре, как будто она находится между жизнью и смертью. Я принимаю волю Господа и вручаю себя Ему. Я знаю, что не погибну до тех пор, пока ты меня не оставишь. Но будет ли моё спасение в далёком будущем, или же оно тут, совсем близко? Я дала обет, что в тот день, когда Бог простит меня, я украшу твою священную усыпальницу пятьюдесятью свечками. О Умм Хашим, сестра Аль-Хусейна!» [Хакки Яхья, 1975:79-80].

«Девушка затем прижалась к решётке гробницы и поцеловала её. Поцелуй шёл от самого сердца и был не похож на поцелуи, которые дарят женщины её профессии. И кто знает, может быть сама «святая Зейнаб» была с другой стороны этой решётки, готовая принять от неё этот поцелуй» [Хакки Яхья, 1975:80]. Наима не сомневается, что Бог простит её. Только вот когда? Избавление приходит через долгих семь лет. Через семь лет в ночь «Предопределения» Наима приносит в мечеть пятьдесят свечей, и шейх Дардир, который служит в мечети святой Зейнаб, зажигает их одну за другой у изголовья гробницы.

Пример из повести Яхьи Хакки хотелось бы сравнить с историей Кабирии из фильма Федерико Феллини «Ночи Кабирии» (1957). Кабирия – женщина той же профессии, что и Наима. Её играет Джу-

льетта Мазина. Её героиня, несмотря на свою профессию, сохранила доброе и по-детски доверчивое сердце. Однажды вместе с толпой верующих Кабирия попадает на праздник Божией Матери, видит, как горячо молятся паломники. Каждый просит о чём-то своём, многие со слезами. Тогда Кабирия бросается на колени и искренне и тоже со слезами умоляет Деву Марию изменить её судьбу.

Вскоре в жизни Кабирии появляется мужчина, на вид положительный, который предлагает ей руку и сердце. Он зовёт её поехать с ним на место его работы в другой город. Кабирия продаёт все свои пожитки, при этом получает довольно внушительную сумму. Она едет к своему жениху, а последний, ограбив её, убегает с деньгами. Молодая женщина чудом остаётся в живых. Разочарование её столь велико, что она предпочла бы смерть. Исполненная горя, она бредёт по ночной улице. Её нагоняет толпа простых людей, которые возвращаются со свадьбы. Людям весело, они видят заплаканную девушку, пытаются её развеселить, и Кабирия начинает улыбаться им, не столько потому, что им это удалось, но в силу того, что ей неудобно омрачать чью-либо радость.

Возможно, большинство зрителей картины, особенно западных зрителей, восприняли такой разворот событий как злую шутку, которую сыграла вера героини в её судьбе. Ведь, с точки зрения обывателя, такой конец картины должен рассматриваться как неудача. Печальный финал картины, который немного смягчается доверчивой улыбкой молодой женщины, говорит о том, что Кабирия не сможет вернуться обратно в свой город и тем более к своей прежней профессии. А это означает, что и её просьба была услышана.

Во всех упомянутых произведениях мы сталкиваемся с примерами человеческого страдания, то есть того, что каждый человек старается избежать всеми возможными способами. Но, по словам Ильина, страдание является «солью жизни», Ангелом Хранителем, который ограждает человека от пошлости. Нужно

отметить, что героини всех названных произведений лишены даже её слабого налёта. Они предельно просты и искренни. Ни одна из них не гордится своими страданиями, но и ни одна из них не считает себя обречённой или проклятой. Они не уклоняются от испытаний, не спасаются бегством, как это делает Тальберг, не обманывают себя. Они встречают испытания мужественно, лицом к лицу, но при этом понимают, что сами не могут их преодолеть. Вот тогда они обращаются к Творцу, и Он даёт им новые жизненные силы, которые помогают им выстоять.

Есть мнение, что верующему человеку художественная литература не нужна. Но где бы тогда он смог найти примеры таких пламенных и искренних обращений к Богу, какие мы с вами только что встретили? Что касается разницы восточного и западного менталитета, то здесь она сглаживается благодаря Божественному началу, которое говорит во всех четырёх героинях: «Ибо для каждого неверующего может настать время величайшей беды, когда его захваченное врасплох и потрясённое сердце вдруг начнёт молиться из своей последней глубины – в такой скорбной беспомощности, такими вздохами отчаяния, такими вдохновенными призывами, о коих он дотоле и не помышлял. Тогда он почувствует как бы землетрясение во всём своём естестве, и неведомое пламя охватит его душу. Может быть даже так, что человек при этом сам не будет знать, к Кому он взывает, и уже совсем не будет представлять себе, откуда и какое может прийти спасение. Он взывает к Кому-то, Кто всё может, даже и невозможное; он молит этого Неизвестного о помощи, которая уже не в человеческих силах, молит в твёрдой уверенности, что есть на свете истинная Благость и она внимлет ему. И к этой неведомой, но всемогущей Благости он и обращается с молитвой, которая, как водный поток, внезапно прорывает все прежние плотины... Он говорит с этим Существом так, как если бы он знал Его от века...» [Ильин, 2006:156]. Потому что глубоко верующие люди, которые могут поставить себя перед лицом Всевышнего,

отчаянно взывая к Нему, добиваясь Его милости, находятся в одной ментальной плоскости, для которой уже не имеют значения ни вероисповедание, ни раса, ни национальность.

Список литературы:

- Булгаков М. Белая гвардия. М., 2006.
Васильев А. Египет и египтяне. М., 2000.
Живи Египет. Рассказы. М., 1973.
Ильин И. Поющее сердце. М., 2006.
Кудус Ихсан Абдель. Вершина любви. Каир 1968.
Хакки Яхья. Светильник Умм Хашим (на арабском языке). Каир, 1975.
Хакки Яхья. Светильник Умм Хашим и другие рассказы. Лондон. 1973.
Хусейн Мустафа. Яхья Хакки – писатель и критик (на арабском языке). Каир, 1970.
Хусейн Таха. Избранное. Москва, 1989.
Шаховской Иоанн архиепископ Сан-Францисский. Апокалипсис мелкого греха. Санкт-Петербург, 1997.
Шиммель Аннемари. Мир исламского мистицизма. Москва, 1999.

Об авторе:

Успенская Нина Алексеевна – к.филол.н., доцент Кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО (Университет) МИД РФ. Россия, 119454, г. Москва, Проспект Вернадского, 76. E-mail: n.uspenskaya@mail.ru.

ABOUT HOLINESS AND PIETY IN MODERN ARABIC LITERATURE

Nina A. Uspenskaya

Abstracts. *These chapters are taken from monographies of N. Uspenskaya "East – West – Russia: the protheses of culture interaction". In these chapters the author touches the themes of holiness and piety, faith and national conciseness, spirituality and intercourse with God in pray, relations between eastern traditionalists and the supporters of the west way of development. These categories are shown through the heroes of the works of contemporary Arabic writers such as "The saint's lamp" by Yahya Haqqy, "The apogees of love" by Ihsan Abdel Kuddus, "Three orange trees" by Yahya Tahir Abdalla, "Days" by Taha Husein compared to such works as "White Guards" by Mihail Bulgacov, "The nights of Cabiria" the film of Federico Felliny, " The book of meditation and quiet contemplations" by Ivan Ilin and some works by Chekhov. The task of the author is to show by these examples the place of Arabic writers in World literature, their relation to famous works and their authors, to show the common features and common points of view. The author of the monographies touches the problem of intercourse between religion and science, which was shown by Yahya Haqqy in his "Saint's lamp", as well as the attitude of western and eastern intellectuals to it. In these chapters the author compares the values of such religions as Islam and Christianity and shows its realization in the heroes of works of considered authors. Here also shown the history of development of the problem of East and West and its reflection in mentioned above works.*

Key words: *modern Arabic literature, spiritualism, religion, moral principles, Islam, Christianity, culture interaction, scientific point of view.*

References:

- Bulgacov M. Belaya gvardiya ["White Guards"]. Moscow, 2006.
- Vasiliev A. Yegipet I yegiptiane. ["Egypt and Egyptians"]. Moscow, 2000.
- Givy Yegipet. Rasskazy. ["Long live Egypt". The stories]. Moscow, 1973.
- Ilyin I. Poyushee serdtse ["The singing hart"]. Moscow, 2006.
- Cuddus Ihsan. Vershina lubvy ["The apogees of love"]. Cairo, 1968.
- Haqqy Yahya. Cyndil Umm Hshim. ["The saint's lamp"] Cairo, 1975.
- Haqqy Yahya. Cyndil Umm Hshim ["The saint's lamp and other stories"]. London, 1973.
- Husein Mustafa. Yahya Haqqy mubdian ya nakidan ["Yahya Haqqy – the writer and critic"]. Cairo, 1970.
- Husein Taha. Izbrannoe [Selected works]. Moscow, 1989.
- Shahovskoy Joan. Apocalipsis melcogo greha ["The Apocalypses of small sins"]. Sant-Petersburg, 1997.
- Shimmel Annemary. Mir islamscogo mistisizma ["The world of Islamic mystery"]. Moscow, 1999.

About the Author:

Nina A. Uspenskaya – PhD in Philology, Associate Professor of Department of the Middle and Near East languages, MGIMO (University).